

„РОДНАЯ РѢЧЬ“

№ 37.

Archiv

No. 1416

Bibliothèque

Ukrainienne И. А. Бунинъ.

à

Lausanne.

Черноземъ.

Цена 3 коп.

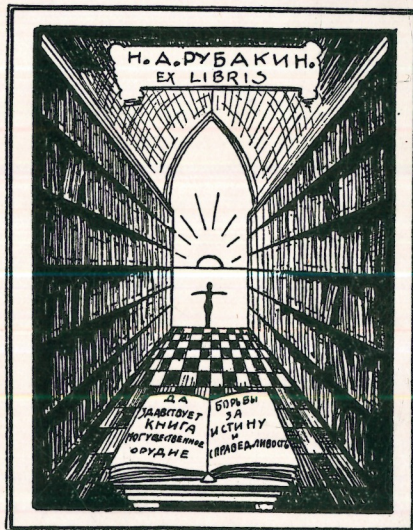

88885

Издание Т-ва „Родная РѢчь“

Москва

1915.

No.
Bibliothèque
Ukrainienne
à
Lausanne. ЧЕРНОЗЕМЬ.

Ив. Бунинъ.

I.

Золотое дно.

Тишина—и запустѣніе. Уже не оскудѣніе, а запу-
стѣніе...

Кончились южныя просторныя равнины, конченъ
долгій путь въ вагонахъ. Не спѣша, бѣгутъ лошади
среди зеленыхъ холмистыхъ полей. Ласково вѣетъ на-
встрѣчу вѣтеръ. Нятя трели жаво-
вымъ топотомъ ко-
де разъ показалась
щимъ силуэтомъ
инуту, я уже не
не показываться,
ры, хлѣба и ло-

КНИГА ИМЕЕТ							
Печать. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служеб. №№	№№ списка и порядковый
						4508	1945 г.
						627/16—250 тые.	927

Государственная
ордена Ленина
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина

77847-48

Архив

— спрашиваю я
умными слегка

еть Корней, не
нѣту.

— Это правильно. Плохо живемъ...

Не много новаго узнаю я и въ Княжѣмъ, имѣніи
сестры, гдѣ я всегда дѣлаю остановку на пути къ Род-
никамъ. Когда я отдыхаю послѣ завтрака у раскрытыхъ

No.
Bibliothèque
Ukrainienne
à
Lausanne. ЧЕРНОЗЕМЬ.

Ив. Бунинъ.

I.
Золотое дно.

Тишина—и запустѣніе. Уже не оскудѣніе, а *запу-
стѣніе*...

Кончились южныя просторныя равнины, кончѣтъ
долгій путь въ вагонахъ. Не спѣша, бѣгутъ лошади
среди зеленыхъ холмистыхъ полей, ласково вѣбѣтъ на-
встрѣчу вѣтеръ и убаюкивающе звенятъ трели жаво-
ронковъ, сливающимся съ однообразнымъ топотомъ ко-
пытъ. Вотъ съ одного изъ косогоровъ еще разъ показалась
далеко на горизонтѣ низкимъ синѣющимъ силуэтомъ
станція... Но, обернувшись черезъ минуту, я уже не
вижу ея. Она скрылась, чтобы больше не показываться,
и теперь вокругъ тарантаса — только пары, хлѣба и ло-
щинки съ дубовымъ кустарникомъ...

— Ну, что же новенькаго, Корней? — спрашиваю я
кучера, молодого загорѣлаго мужика съ умными слегка
прищуренными глазами.

— Новенькаго? — сдержанно отвѣчаетъ Корней, не
оборачиваясь. — Новаго у насъ ничего нѣту.

— Значить, живете по старому?

— Это правильно. Плохо живемъ...

Не много новаго узнаю я и въ Княжѣмъ, имѣніи
сестры, гдѣ я всегда дѣлаю остановку на пути къ Род-
никамъ. Когда я отдыхаю послѣ завтрака у раскрытыхъ

оконъ зала, мнѣ кажется, что еще годъ тому назадъ усадьба не была такъ ветха и безлюдна. Все, значить, идетъ по старому: неуклонное разрушеніе. Полы и потолки въ залѣ еще немного покосились и потемнѣли, вѣтви запущеннаго палисадника лѣзутъ уже въ самыя окна, тесовыя крыши службъ дали кое-гдѣ зловѣщія трещины... А по двору, держа въ поводу худого стригуна, запряженнаго въ водовозку, какъ во снѣ идетъ полуслѣпой и глухой Антипушка, и разохшіяся колеса водовозки порою такъ неистово взвизгиваютъ, что больно слушать.

— Такъ плохи, говоришь, дѣла? — спрашиваю я сестру, которая курить и задумчиво смотреть куда-то въ даль, на косогоры за лугомъ и рѣчкой.

— Совсѣмъ, совсѣмъ плохи! — поспѣшно, какъ будто даже съ удовольствіемъ, подтверждаетъ сестра. — Будь капиталъ, еще, можетъ быть, можно было бы поправиться! Вѣдь земля-то — сущее золотое дно. Но банкъ, банкъ!

— Зато тишина-то какая! — говорю я.

— Ужъ этого — хоть отбавляй! — съ угрюмой ироніей соглашается племянникъ-студентъ. — Дѣйствительно — тишина, и прескверная, чортъ ее дери, тишина! Въ родѣ пересыхающаго пруда. Издали — хоть картину пиши: такой мирный, привѣтливый! А подойди — затхлостью понесетъ, ибо воды-то въ немъ на вершокъ, а тины — на двѣ сажени, и караси всѣ подохли... Дно-то, дѣйствительно, золотое, только до него самъ чортъ не докопается!...

Отъ Княжого дорога вѣтся сперва по перелѣскамъ, потомъ пропадаетъ въ большомъ кологривовскомъ „Заказѣ“. Въ прежнее время она далеко обходила его, — теперь ѣздить прямо, по двору кологривовской усадьбы, раскинувшей по сторонамъ лѣсного оврага своимъ одичавшимъ садомъ и кирпичными разрушающимися службами. Какъ только въ лѣсъ врывается громыханіе бубенчиковъ, изъ усадьбы ему отвѣчаетъ угрюмый лай овчарокъ, ведущихъ свой родъ отъ тѣхъ свирѣпыхъ

псовъ, которые сторожили когда-то не менѣе свирѣпую и угрюмую жизнь старика Кологривова. Пока тарантасъ, сопровождаемый лаемъ, съ грохотомъ катился по мостикамъ черезъ овраги, я смотрю на груды кирпичей, оставшихся отъ сгорѣвшаго дома и потонувшихъ въ бурьянѣ, и думаю о томъ, что сдѣлалъ бы старикъ Кологривовъ, если бы онъ увидѣлъ нахаловъ, скачущихъ по двору его усадьбы! Въ дѣтствѣ я слышалъ про него поистинѣ ужасы. Говорили, что при крѣпостномъ правѣ онъ засѣкалъ мужиковъ до смерти, заковывалъ ихъ въ кандалы, травилъ борзыми... Одна изъ любовницъ пыталась опоить его какими-то колдовскими травами, — онъ заточилъ ее своимъ судомъ въ монастырь... Когда объявили волю, онъ „тронулся“, какъ говорили, „въ отдѣлку“, и съ тѣхъ поръ почти никогда не показывался изъ дому. Медленно разоряясь, онъ днемъ пьянствовалъ, а по ночамъ, дрожа отъ страха, что его убьютъ, сидѣлъ въ шапочкѣ съ мощей угодника и громко читалъ заговоры, псалмы и покаянныя молитвы собственнаго сочиненія... Осенью однажды его нашли въ моленной мертвымъ... и усадьба одичала.

— Не знаешь, не продали еще? — спрашиваю я Корнея.

— Продали, — отвѣчаетъ онъ. — И продали-то, говорятъ, за тринку. Живетъ тутъ приказчикъ отъ наслѣдниковъ, а ему что-жъ? Не свое добро. Безъ хозяина, извѣстно, и товаръ — сирота. А земля тутъ — прямо золотое дно!

— Хороша?

— Дуже хороша! Аршинъ чернозему. А лѣсъ-то!

Въ самомъ дѣлѣ — славный лѣсъ! Горько и свѣжо пахнеть березами, весело отдается подъ развѣсистыми вѣтвями громыханіе бубенчиковъ, птицы сладко звенятъ въ зеленыхъ чащахъ... На полянахъ, густо заросшихъ высокой травой и цвѣтами, живописно стоятъ столѣтнія березы по двѣ, по три на одномъ корнѣ. Предвечерній золотистый свѣтъ наполняетъ ихъ тѣнистыя вершины.

Внизу, между бѣлыми стволами, онъ блеститъ яркими длинными лучами, а по опушкѣ бѣжитъ навстрѣчу тарантасу стальными просвѣтами. Просвѣты трепещутъ, сливаются, становятся все шире — и вотъ, наконецъ, снова зазеленѣло вдаль... Опять вокругъ просторно и свѣтло, опять вѣетъ сладкимъ ароматомъ зацвѣтающей ржи, и пристяжныя на бѣгу хватаютъ пучки сочныхъ стеблей.

— Хорошо! — думаю я, начиная забывать о нищетѣ этого богатаго края, но вотъ Корней опять, не спѣша, оборачивается ко мнѣ и съ улыбкой, похожей на ту, которой улыбался студентъ, значительно говоритъ:

— А вонъ и Батурино...

И я уже понимаю его.

— Что, — спрашиваю я, — совсѣмъ плохо?

— Да ужъ молодые-то уѣхали. А старуха домъ продаетъ. Добилась до послѣдняго.

— А какъ-бы заглянуть туда?

— Да скажите, что, молъ, домъ себѣ для Родниковъ присматриваю...

Въ Батуринѣ — это большая деревня, но ужъ извѣстно, что такое „барская“ деревня! — въ Батуринѣ тихо и жарко. Скучно лоснится на солнцѣ мелкій длинный прудъ желтой глинистой водой, баба возлѣ навозной плотины лѣнливо бьетъ валькомъ по мокрому сѣрому холсту... Съ плотины дорога поднимается въ гору возлѣ батуринскаго сада. Садъ еще до сихъ поръ густъ и живописенъ, и, какъ на идилическомъ пейзажѣ, стоитъ въ его изголовьи сѣрый большой домъ подъ бурой, ржавой крышей. Но усадьба, усадьба! Цѣлая поэма запустѣнія! Отъ парка остались только стѣны, отъ людской избы — раскрытый остовъ, безъ оконъ, и всюду, къ самымъ порогамъ, подступили лопухи и глухая крапива. А на „черномъ“ крыльцѣ стоитъ и въ страхѣ глядитъ на меня слезящимися глазами какая-то старуха... Понявъ изъ моихъ неловкихъ объясненій, что я хочу посмотреть домъ, она спѣшитъ предупредить барыню.

— Я доложу-сь, доложу-сь, — бормочетъ она, скрываясь въ темныхъ сѣняхъ.

Больно, должно быть, Батуриной выходить послѣ такихъ докладовъ! И дѣйствительно, — когда черезъ нѣсколько минутъ отворяется дверь, я вижу растерянное старческое лицо, виноватую улыбку голубыхъ кроткихъ глазъ... Дѣлаемъ видъ, что мы очень рады другъ другу, что этотъ осмотръ дома — вещь самая обыденная, и Батурина любезнымъ жестомъ приглашаетъ войти, а другой дрожащей рукой старается застегнуть воротъ своей темной кофточки изъ дешевенькаго новаго ситцу.

Бормоча что-то притворно-веселое, я вхожу въ переднюю, и въ первую минуту мнѣ кажется, что я попалъ въ ночлежный уголь. Темно, душно, стѣны, оклеенныя старыми газетами, закопчены дымомъ махорки, которую курить бывший староста Батуриныхъ, Дронъ, не покинувшій усадьбу и донынѣ... Направо — дверь въ его каморку, прямо — комната старухъ, скудно освѣщенная окномъ съ двойными рамами, съ радужными, выгорѣвшими отъ солнца стеклами...

— Мы вѣдь въ пристройкѣ-сь теперь живемъ, — виновато поясняетъ Батурина. — Вѣдь знаете, какіе года-то пошли, да и теплѣе тутъ зимою...

— Да, можетъ быть, я беспокою васъ?

Старуха трясетъ головой и смотритъ недоумѣвающе и вопросительно.

— Не беспокою-ли я васъ? — говорю я громче.

Разслышавъ, Батурина поспѣшно улыбается.

— Нѣтъ-сь, нѣтъ-сь, — отвѣчаетъ она съ ласковой снисходительностью. — Пожалуйте-сь.

И отворяетъ дверь въ коридоръ...

Охъ, какъ мрачно въ этихъ пустыхъ комнатахъ! Первая, въ которую я заглядываю изъ коридора, была когда-то кабинетомъ, а теперь превращена въ кладовую: тамъ ларь съ солью, кадушка съ пшеномъ, какія-то бутылки, позеленѣвшіе подсвѣчники... Въ слѣдующей, бывшей спальнѣ, возвышается пустая и огромная, какъ

саркофагъ, кровать... И старуха отстаетъ отъ меня и скрывается въ кладовой, яко бы чѣмъ-то озабоченная. А я медленно прохожу въ большой гулкой залъ, гдѣ въ углахъ свалены книги, пыльные акварельные портреты, ножки столовъ... Галка вдругъ срывается съ криво висящаго надъ ломбернымъ столикомъ зеркала и на лету ныряетъ въ разбитое окно... Вздогнувъ отъ неожиданности, я отступаю къ стеклянной двери на разохшійся балконъ, съ трудомъ отворяю ее и прикрываю глаза отъ низкаго яркаго солнца. Какой вечеръ! Какъ все красиво въ запущенномъ саду, какъ все цвѣтеть и зеленѣетъ въ немъ среди развалинъ, обновляясь каждую весну, и какъ сладостно журчатъ въ густомъ вишневникѣ, перепутанномъ съ сиренью и шиповникомъ, кроткія горлинки, вѣрные друзья погибающихъ помѣщичьихъ гнѣздъ!...

Вечеръ въ полѣ встрѣчаетъ насъ еще большей красотой, — цѣлымъ архипелагомъ пышныхъ золотисто-лиловыхъ облаковъ на западѣ, — необыкновенной нѣжностью и ясностью далей, но меня уже гнететъ эта типина и красота.

— Дядя, дай сѣрничка! — кричитъ одинъ изъ мальчишекъ, стерегущихъ на парѣхъ лошадей, и, вскочивъ съ межи, бѣгомъ догоняетъ тарантасъ.

Но и Корней задумчивъ. Онъ молча, но съ видимымъ удовольствіемъ вытягиваетъ мальчишку кнутомъ и сдержанно покрикиваетъ на лошадей.

— О чемъ онъ думаетъ? — задаю я себѣ вопросъ, глядя на его выгорѣвшій на солнцѣ картузь. И точно угадавъ мой вопросъ, Корней слегка повертывается на облучкѣ и, слѣдя задумчивымъ взглядомъ за мелькающими подковами пристяжныхъ, начинаетъ говорить...

— Всѣмъ — не медъ, — задумчиво говоритъ онъ. — Не однимъ господамъ... Хрестыанскій банкъ, молъ, помогаетъ! Да нѣтъ, въ долгъ-то не проживешь! Купятъ мужики сто-двѣсти десятинъ, — конечно, компаніей,

не собравшись съ силой, и запутляются, и норовятъ слопать другъ друга. А пойдутъ свары — дѣло и совсѣмъ изгадится, и хоть на переметъ съ обрывкомъ лѣвъ!

— Однако-же, — говорю я, — крупныхъ-то господъ осталось три-четыре на уѣздѣ, — значитъ, расходится земля по народу.

— По городскимъ купчишкамъ да лавошникамъ, — поправляетъ Корней. — По нимъ, а не по народу... И опять-же земля безъ настоящаго хозяина остается: имъ вѣдь только-бы купить, благо дешево, а жить-то они вѣдь тутъ не станутъ! Ну, вотъ ихъ-то, чертей, и зажать-бы въ тѣсномъ мѣстѣ!...

— Слѣдовало-бы? — спрашиваю я.

Но Корней отводитъ глаза въ сторону.

— Попоить-бы пора, — говоритъ онъ дѣловымъ тономъ.

— На Ворглѣ попоимъ.

— Ну, на Ворглѣ, такъ на Ворглѣ... Эй, други, не рано!...

Свѣжѣетъ, и блескъ вечера уже меркнетъ. Меланхолично засинѣли поля, далеко, далеко на горизонтѣ уходитъ за черту земли огромнымъ мутно-малиновымъ шаромъ солнце. И что-то сказочное, старо-русское есть въ этой печальной картинѣ, въ этой синѣющей дали съ мутно-малиновымъ щитомъ. Вотъ онъ еще болѣе потускнѣлъ, вотъ отъ него остался уже только сегментъ, потомъ — вогнутая дрожащая огненная полоска... Быстро падаетъ синеватый сумракъ лѣтней ночи, точно кто незримо сѣетъ его, — свѣжѣетъ сильнѣе; въ лужкахъ уже холодно, какъ въ погребѣ, и рѣзко пахнетъ росистой зеленью, — только изрѣдка повѣваетъ откуда-то тепломъ... Въ сумракѣ мелькаютъ придорожныя лозинки, и на нихъ, нахохлившись, спятъ вѣроны... А на востокѣ уже показывается большая голова блѣднаго мѣсяца.

Какъ печальны кажутся въ это время темныя де-

ревушки, мертвую тишину которых будить звукъ рес-соръ и бубенчиковъ! Какъ глуха и пустынна кажется старая „большая“ дорога, тоже запустѣвшая, давно забытая и неѣзженная!... Слава Богу, хоть мѣсяцъ всходить!... Все веселѣе... А вотъ и поворотъ на проселокъ, на Ворголь.

Ворголь—нежилой хуторъ покойной тетки, степная деревушка на мѣстѣ снесенной дѣдовской усадьбы и большого села, три четверти котораго ушло въ Сибирь, на новыя мѣста. Отъ усадьбы уцѣлѣли только остатки сада, сливагося съ хлѣбами, да небольшой флигель. Дорога долго идетъ подъ изволокъ, и часовъ въ десять, когда уже становится свѣтло отъ мѣсяца, тарантасъ шибко подкатываетъ по густой росистой травѣ къ этому одинокому флигелю на скатѣ котловины среди косого-ровъ. Звонъ бубенчиковъ замираетъ, и насъ охваты-ваетъ гробовое молчаніе.

— Ужъ и глухо же тутъ!—говоритъ Корней, слѣзая съ козелъ, и голосъ его странно звучитъ возлѣ пустыхъ стѣнъ. — Посидите тутъ на крылечкѣ, а я лошадей попою и овсеца имъ кину.

И медленно отводитъ гроыхающихъ бубенчиками ло-шадей подъ гору, къ колодцу. А я поднимаюсь на дере-вянное крыльцо флигеля и сажусь на одну изъ ступенекъ.

Но жутко здѣсь, въ этой котловинѣ, со всѣхъ сто-ронъ замкнутой холмами, спускающимися къ пересох-шему руслу Воргла, и блѣдно освѣщенной невѣрнымъ мѣсячнымъ свѣтомъ! Пустой широкой дворъ хутора не-посредственно переходитъ въ мужицкій выгонъ, а за выгономъ чернѣетъ семь приземистыхъ избушекъ, такъ глубоко затаившихъ въ себя ночную жизнь, что дере-вушка кажется совершенно необитаемой. И, удрученный тишиной запустѣнія, которая цѣлый день окружала меня въ этомъ печальномъ пути на родину, я уже не могу спокойно сидѣть на мѣстѣ.

— Корней,—говорю я, какъ только Корней показы-вается съ лошадьми изъ-подъ горы,—надо ѣхать! Поѣ-демъ шажкомъ, а ужъ покормимъ дома.

Корней останавливаетъ лошадей противъ крыльца.

— Ай соскучились? — спрашиваетъ онъ послѣ не-большого молчанія.

— Соскучился. Ну его къ чорту... Ыдемъ.

— Это еще милость, — говоритъ Корней насмѣ-шливо.—Вы бы осенью али зимой заѣхали!

— И какъ вы только живете тутъ!

Корней завертываетъ цыгарку, глядя въ землю, и долго молчитъ. Потомъ сдержанно отвѣчаетъ:

— Живемъ пока...

— То-есть какъ „пока“? А потомъ-то что-жъ?

— Потомъ—что Богъ дастъ. Все что-нибудь будетъ...

— Что же?

— Да что-нибудь будетъ... Не вѣкъ же тутъ си-дѣть, — чертямъ оборки вить! Разойдется народъ по другимъ мѣстамъ, либо еще какъ...

— А какъ?

При свѣтѣ мѣсяца ясно видно лицо Корнея, но, поднявъ голову, онъ сдвигаетъ брови и отводитъ глаза куда-то въ сторону.

— Какъ иначе-то?—повторяю я вопросъ.

— Тамъ видно будетъ, — отвѣчаетъ Корней уже совсѣмъ хмуро.—Поѣдте, баринъ,—не рано!

И молча влѣзаетъ на козлы.

П.

С н ы.

Въ полѣ было холодно, туманно и вѣтренно, смер-клось рано. Еще не было и пяти часовъ, но на станціи уже царилъ такая тишина, точно она вымерла. Еле свѣтили подкрученные фитили лампъ въ вокзалѣ, и по всей залѣ третьяго класса, гдѣ на буфетной стойкѣ

спалъ подъ тулупомъ сторожъ, рѣзко воняло керосиномъ. Я прошелъ въ слѣдующую комнату, но и тамъ было не лучше: медленно постукиваютъ въ полусумракѣ часы, сонно смотрятъ со стѣнъ „правила для грузоотправителей“, на столѣ желтѣетъ прошлогодняя вода въ графинѣ... Не снимая полушубка, я легъ на вытертый плюшевый диванъ и тотчасъ-же уснулъ, утомленный тяжелой дорогой подъ дождемъ и снѣгомъ. Спалъ я, какъ мнѣ казалось, долго, но, открывъ глаза, съ тоской увидалъ, что на часахъ всего половина восьмого. „И прошелъ тотъ день къ вечеру темныхъ осеннихъ ночей“ — вспомнилась мнѣ печальная строка изъ какой-то старой русской книги. Попрежнему было холодно и тихо, какъ въ мертвецкой, попрежнему чернѣла за окнами тьма... И казалось, что не будетъ конца этому вечеру.

Когда часы нерѣшительно, точно раздумывая, пробили девять, гдѣ-то завизжала и гулко хлопнула дверь, и вслѣдъ затѣмъ на платформѣ жалобно занялъ звонокъ. Выйдя въ залъ третьяго класса, я увидалъ мѣщанина въ картузѣ и чуйкѣ, который, поставивъ локти на колѣни и положивъ въ ладони голову, неподвижно сидѣлъ на скамѣ.

— Это поѣздъ вышелъ?—спросилъ я.

Мѣщанинъ встрепенулся и взглянулъ на меня испуганными глазами. Потомъ что-то пробормоталъ и, нахмурившись, быстро пошелъ къ дверямъ на платформу.

— У него жена въ рѣдахъ помираетъ, — пояснилъ сторожъ, завертывая у буфетной стойки цыгарку изъ газетной бумаги.— У всякаго, значить, свое горе,—прибавилъ онъ задумчиво и, вдругъ сладко зѣвнувъ, оживленно, съ непонятной, злой радостью заговорилъ:

— Вотъ тебѣ и женился на богатой! Второй день мучается, царскія врата отворили — все не помогаетъ. Теперь въ городъ за докторомъ скачетъ, а къ чему, спрашивается?

— Думаешь, не поспѣетъ?—сказалъ я.

— Никакъ!—отвѣтилъ сторожъ.— Вернется онъ завтра вблизи вечера, а она къ тому времени помретъ. Безпремѣнно помретъ,—прибавилъ онъ убѣжденно.— Три раза, говоритъ, на оракулъ кидаль,—кто, молъ, раньше помретъ, я али жена, и три раза выходило одно и то же. Перва... какъ это? „Нечего тебѣ простирать въ даль своихъ намѣреній“, а потомъ и того хуже: „молись Богу, не пей вина и пива и готовься въ монастырь“.... А вчерась, говоритъ, во снѣ видѣлъ: будто обрили его догола и всѣ зубы вынули...

Онъ, вѣроятно, говорилъ бы еще долго, но тутъ тяжело зашумѣлъ подходящій товарный поѣздъ. Снова завизжала и заняла дверь, показался кондукторъ въ тяжелой мокрой шинели съ оторваннымъ на спинѣ хлястикомъ, за нимъ смазчикъ, съ тусклымъ фонаремъ въ рукахъ... Я ушелъ на платформу.

Тамъ, въ темнотѣ вѣтренной сырой ночи, я долго-долго бродилъ мимо дверей вокзала. Медленно текли минуты за минутами,—наконецъ, сотрясая зазвенѣвшія рельсы, передъ платформой загорѣлся своими огромными неморгающими глазами пассажирскій паровозъ. Захвативъ вещи, я направился въ полутемный, теплый и вонючій вагонъ, переполненный спящимъ народомъ, и, уже на ходу поѣзда, напелъ свободную скамейку въ углу около двери въ другое отдѣленіе. Въ зыбкомъ сумракѣ вокругъ меня безпорядочно темнѣли фигуры лежащихъ на лавкахъ и на поднятыхъ спинкахъ лавокъ, глухо гудѣлъ ропотъ колесъ, сливающийся съ храпомъ и соннымъ дыханіемъ, и, закрывая глаза, я уже началъ терять представленіе, въ какую сторону убѣгаетъ поѣздъ. Но прошелъ истопникъ съ кочергою, похожімъ на негра, и не затворилъ возлѣ меня двери. Послышался говоръ, потянуло махоркой... Мѣщанинъ, ѣхавшій въ городъ за докторомъ, лежалъ съ закрытыми глазами и съ угрюмо-сосредоточеннымъ выраженіемъ лица на

четвертой отъ двери скамьи, а возлѣ двери, въ дымномъ сумракѣ подѣ фонаремъ, тѣсной кучкой курили мужики и слушали кого-то, сидѣвшаго напротивъ.

— Да-а, братцы мои, — слышался сквозь гулъ бѣгущаго вагона чей-то голосъ, — да-а. И попадись въ это самое разнесчастное село старичокъ-священникъ изъ Епифаніи. Перевели его, значить, изъ города въ самый что ни на есть бѣдный приходъ, а за что перевели — пилъ дюже... Значить, и перевели въ родѣ какъ бы за наказаніе... А старичокъ-то пить-то пилъ, да оказался такой, что лучше и не надо. „Сколько, молъ, о. Петръ, за кстины аль за похороны берете?“ — „Не я, свѣтъ, беру, а нуждишка! Сколько силы твоей есть“... И вотъ такъ-то всегда... Перевели его, значить, весной, пробылъ онъ честь-честью лѣто, а осенью и захворай. Года что-ли такіе, али простудился онъ, — лѣто-то, сами знаете, какое было, — только, видимое дѣло, — слабѣть сталъ. И вотъ, братцы мои, почувявши такую исторію, вышелъ онъ на Покровъ послѣ обѣдни къ народу — и простился со всѣми. „Должно, говорить, скоро я представляюсь къ Господу Богу, міряне, — простите, ежели согрѣшилъ что“... И, сказавши такимъ манеромъ, поклонился, значить, народу и ушелъ въ алтарь. А пришедши домой, сѣлъ было обѣдать, ѣсть не наѣлъ, а только ложкой помутилъ, всталъ и говорить сторожу, что при ѣмъ замѣсто служки былъ: „Что-й-то, говорить, мнѣ холодно, свѣтъ, и такъ-то скушно, — просто мочи нѣту. Все дочка-покойница вспоминается, все будто ждетъ она меня къ себѣ... Убирай, молъ, со стола, — не идетъ мнѣ ѣда на умъ.“ — „Напрасно вы такія рѣчи говорите, батюшка, — это сторожъ-то ему, — напрасно, молъ, такъ скучились. Какіе ваши года? Какая такая кончина?“ — „Нѣтъ, говорить, помру! Только дюже, говорить, вездѣ горя много, и ужли никакой тому переменны не буде, ужли не дожить мнѣ до ней?...“ А на дворѣ, не хуже теперешняго, дождь,

незгода — и ужъ вечеръ заходить. Поглядѣлъ этакъ старичокъ въ окошечко, — „все, говоритъ, погнѣтъ въ полѣ“, — махнулъ ручкой и ушелъ къ себѣ въ горницу. А въ горницѣ opravилъ лампадку да и прилегъ на часокъ. То-ли онъ спалъ, то-ли такъ въ забытій лежалъ, — только ужъ и ночь на дворѣ, а онъ все лежить да лежить...

— Вонъ она, дѣло-то какая! — сказалъ кто-то изъ мужиковъ съ глубокимъ вздохомъ. — На Покровъ, говоришь, вышло-то все это?

— Да вѣдь сказали — на Покровъ! — сумрачно перебилъ сиплымъ голосомъ большой рыжій мужикъ съ злыми глазами и въ рваномъ полущубкѣ, сидѣвшій на краю скамьи противъ рассказчика.

— На Покровъ, на Покровъ, — подтвердилъ и рассказчикъ. — Вечеромъ, значить. Ушелъ, говорю, къ себѣ въ горницу и легъ. Да-а... Ушелъ и лежить, а на дворѣ темъ, вѣтеръ, и такъ будто угрѣлся старичокъ на лежаночкѣ насупротивъ лампадки, что никакъ не можетъ подняться, помолиться да и лечь какъ слѣдуетъ. Лежу, говорить, гляжу на лампадку, чувствую — въ сонъ клонить — и вдругъ отворяется тихенько-тихенько этакъ дверь — и входитъ ко мнѣ дочь-покойница. „Что такое, думаю, что за притча такая, Господи?“ А она подходитъ прямо ко мнѣ и кладетъ мнѣ руку на руку. — Сама вся въ черномъ, а лицо бѣлое-бѣлое да красивое! И этакъ вполголоса: „встань, говорить, батюшка, пойдѣ поскорѣ въ церковь.“ Я — рразъ съ постели, а ей ужъ нѣту! Что тутъ дѣлать? Посидѣлъ я, посидѣлъ, и что все больше сижу, все чуднѣй и страшнѣй мнѣ становится. Вскочилъ, наконецъ, того, на ноги, накиннулъ шубенку, — самъ зубъ на зубъ не попадаю, — выбрался въ сѣнцы, нашелъ ключи на стѣнѣ... Темъ, жуть, сѣнцы такъ и гудутъ отъ бури, — нѣтъ, думаю, надо итти! — спѣшу на гору, дохожу къ церкви, — глядь — а тамъ огонекъ теплится, ровно бы покойникъ на ночь

поставлень... Оторопѣлъ я опять, однако перекрестился — и на паперть. Насилу ключомъ въ замокъ попалъ, отворяю, наконецъ того, двери — нѣтъ тебѣ никакого покойника, а только горитъ лампадка надъ царскими вратами, и такая жуть вездѣ, что и сказать нельзя! Кто-жъ это, думаю, лампадку зажегъ, что такое будя? Стою, ни живъ, ни мертвъ, — вдругъ — рразъ! — Отдернулась занавѣсь на царскихъ вратахъ и растворяются этакъ широко и тихо двери — и выходитъ изъ темени, изъ самага алтаря, значить, агромадный красный кочетъ! Вышелъ, остановился, затрепыхалъ крыльями и какъ закричитъ на всю церкву: ку-ка-ре-ку! Пропѣлъ до трехъ разъ — и пропалъ. И только, значить, пропалъ — выходитъ изъ алтаря другой, — бѣлый, какъ кипень, и запѣлъ еще громче прежняго! И опять до трехъ разъ... У меня, рассказывалъ священникъ-то на утро, руки-ноги отнялись въ ту пору, а я все стою и жду, что будетъ дальше, а дальше, немного этакъ годя, выходитъ и третій: черный, какъ головешка, изъ себя сумрачный — только гребешокъ свѣтится — и запѣлъ онъ, братцы мои, таково жутко и строго, что опустился я на колѣнки наземъ и говорю этакъ внятно и раздѣльно на всю церкву: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!...“ И только, это, сказалъ я — нѣтъ тебѣ никакихъ кочетовъ, а стоитъ передо мною, замѣстъ ихъ, сѣденькій-сѣденькій монашекъ и говоритъ мнѣ тихимъ голосомъ: „Не пужайся, служитель Божій, а объяви всему народу, что, молъ, означаетъ твое видѣніе. А означаетъ оно бо-ольшія дѣла!...“

— Вотъ за это-то вашего брата и чертами-то называютъ, — громко сказалъ въ это время мѣщанинъ, открывая глаза и угрожающе нахмуриваясь. — Ночь, скука, а онъ ишь какія суевѣрія сидитъ-разводить! Ты къ чему все это гнешь-то, а?

— Да вѣдь я ничего плохого, — несмѣло пробормоталъ рассказчикъ.

— Позволь, — ты откуда взялъ-то все это?

— Какъ откуда? Самъ священникъ, говорятъ, рассказывалъ.

— Священникъ энтотъ померъ, — перебилъ мѣщанинъ.

— Это вѣрно, вѣрно... померъ... въ скорости и померъ...

— Ну, значить, и брешутъ на него, что въ голову влѣзетъ. Вѣдь это сновидѣніе, — дубина!

— Да я-то про что-жъ? Извѣстно, сновидѣніе. Ночь-то — годъ...

— Ну, и молчи, — опять перебилъ мѣщанинъ, укладывая голову на чуйку. — Да и курить-то пора бросить: вѣдь ужъ день скоро, а вы ишь — надымили — овинъ чистый!

— Въ первый классъ иди, коли не нравится, — силно и зло перебилъ, въ свою очередь, рыжій мужикъ.

— Побреши еще!

— Брешутъ собаки да твои свояки.

Мѣщанинъ быстро поднялъ голову съ чуйки и какъ будто даже съ радостнымъ изумленіемъ раскрылъ глаза.

— Ну, смо-отри! — сказалъ онъ, покачивая головою. — Смотри, какъ бы я не потолковалъ съ тобой посурьезнѣй!

— Ужли побьешь? — съ радостной злобой спросилъ и рыжій мужикъ, оборачиваясь къ мѣщанину и глядя на него веселыми глазами.

— А ты что-жъ, сукинъ сынъ, думаешь, на васъ теперь и управы нѣту?

— Не суйся, носъ спибешь!

— Будя, будя, ребята! — закричали мужики, заволновавшись. — Вѣдь полночь на дворѣ, что домового-то тѣшить.

Бранившіеся смолкли, и въ вагонъ на время наступила тишина. Потомъ мѣщанинъ вздохнулъ и снова положилъ голову на чуйку.

— Ну, и стерва, прости Ты меня, Господи!—задумчиво и серьезно сказалъ онъ такимъ тономъ, точно онъ былъ въ вагонѣ одинъ.

И опять наступила тишина, нарушаемая только глухимъ говоромъ колесъ, храпомъ и соннымъ дыханіемъ спящихъ.

— А за что ругаться-то?—спросилъ немного погодя рассказчикъ, видя, что бранившіеся угрюмо успокоились.—Кто первый зачалъ-то? Вѣдь ты. Мы балакали промежъ себя...

— Чо-ортъ!—отвѣтилъ мѣщанинъ поспѣшно и въ голосъ его дрогнула страдальческая нота. — Вѣдь ночь, скука, а у меня, можетъ, жена и дите помираютъ. Пойми!

— Горя-то и у другихъ не менѣ твоего,—отвѣтилъ рыжій мужикъ.

— Не менѣ!—передразнилъ мѣщанинъ.—Я, можетъ, тысячи не пожалѣлъ бы теперь на доктора, а онъ за сто верстъ, а дорога—ни проходу, ни проѣзду, а ночь, хоть глазъ выколи! Вчерась измаялся, ткнулся въ чемъ былъ на постель и вижу — будто обрили меня догола и всѣ зубы вынули! Пойми—сладко?

— Ага! — сказалъ рыжій мужикъ. — Спокайся! Повѣрилъ въ сонъ-то! А то—сновидѣніе!...

— До Туровки кто имѣетъ билеты? — прокричалъ въ это время кондукторъ, проходя по вагону.—Билеты до Туровки кто имѣетъ?

И, освѣтивъ фонаремъ чьи-то ноги, крѣпко хлопнулъ возлѣ меня дверь. Поднявшись съ мѣста, я тотчасъ же снова отворилъ ее и сталъ на порогъ, но разговоръ между мѣщаниномъ и мужиками уже прекратился. Мѣщанинъ лежалъ лицомъ къ спинкѣ дивана, угрюмо согнувшись, а рыжій мужикъ, какъ бы забывъ о его существованіи, сидѣлъ со спокойно-сдвинутыми бровями и говорилъ тому, который рассказывалъ:

— Ну, ну, доказывай дальше.

Нѣсколько полушубковъ стѣснилось вокругъ рассказчика, нѣсколько глазъ серьезныхъ блестѣло въ дымномъ сумракѣ глухо гудящаго и бѣгущаго вагона. Оглянувъ ихъ, рассказчикъ вздохнулъ и уже хотѣлъ было начать говорить, но въ это время рыжій поднялъ на меня свои сумрачно-злые глаза и силно сказалъ:

— А тебѣ, господинъ, что надо?

— Послушать хотѣлъ,—сказалъ я.

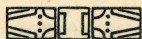
— Не господское это дѣло мужицкія побаски слушать.

Я возвратился на свое мѣсто и, посмотрѣвъ на часы, сѣлъ. Было уже поздно,—далеко за полночь. Долгая дорога въ полѣ, подъ дождемъ и снѣгомъ, долгій вечеръ на станціи, полутемный, вонючій вагонъ, безконечная осенняя ночь, эти мрачные вѣщіе сны, порожденные ею,—все уже угнетало душу, но эти сны такъ шли къ этой ночи, что жадно хотѣлось слушать. Но слушать было уже трудно.

— Да-а, братцы мои,—снова заговорилъ рассказчикъ прежнимъ тономъ, какъ только я отошелъ,—и стоять, значить, передъ нимъ сѣденькій-сѣденькій монашекъ и говорить ему тихимъ голосомъ: „Не пужайся, молъ, служитель Божій, а слушай меня и объяви народу, что, молъ, означаетъ твоя видѣніе. А означаетъ она ба-альшія дѣла“...

Но начавъ громко, рассказчикъ мало-по-малу сталъ понижать голосъ и послѣднія слова проговорилъ уже полупрошептомъ. Тщетно я вслушивался — все тонуло въ ропотъ колесъ и въ сонномъ храпѣ спящихъ. Заслышавъ сквозь этотъ ропотъ далекій заунывный свистокъ паровоза, возвѣщавшій о станціи, съ лавки возлѣ меня поспѣшно вскочилъ юнкеръ въ очкахъ оглянулся вокругъ себя испуганными глазами и, быстро опустившись на скамью и облокотившись на свой сундукъ, тотчасъ-же снова заснулъ. Какая-то пожилая

женщина въ темномъ ситцевомъ платьѣ, спавшая на-
противъ съ ребенкомъ у раскрытой груди, поднялась,
болѣзненно морщась, съ мѣста и поплелась въ сѣнч.
Все остальное храпѣло въ зыбкомъ сумракѣ, и мертвыя
фигуры лежащихъ, мѣшки, сундуки и полушубки со-
ставляли грубую и печальную картину, которая раска-
чивалась передо мною, какъ во снѣ. Мужикъ, расска-
зывавшій про пѣтуховъ, сидѣлъ теперь, подавшись
впередъ къ рыжему, и что-то негромко, но горячо го-
ворилъ, но когда я настораживался, чтобы разслышать,
что онъ говоритъ, изъ дымнаго сумрака противъ меня
блестѣли только загадочно-серьезные и злые глаза.

Печатаются:

И. С. Тургеневъ, Ася.

В. І. Дмитріева, Непримиримые.

1. Л. Толстой, Три смерти — Чѣмъ люди живы 6 к.
2. И. Тургеневъ, Бѣжцы лугъ. — Бирюкъ . 6 к.
3. В. Короленко, Чудная. — Приемышъ. — Огоньки 6 к.
4. Г. Успенскій, Неизлѣчимый 8 к.
5. А. Чеховъ, Унтеръ Пришибеевъ и др. рассказы 6 к.
7. И. Бѣлоконскій, Деревенская конспирація. —
„На второмъ путѣ“ — „Подлый, хитрый народъ“ 6 к.
8. М. Горькій, Проходимецъ — Легенда о Марко 6 к.
9. С. Мечъ, Германія. 8 к.
10. Скиталецъ, Полевой судъ. 3 к.
11. И. Тургеневъ, Муму — Деревня. 6 к.
12. С. Князьковъ, 19-е Февраля 1861 года. . . 6 к.
13. М. Арцыбашевъ, Кровавое пятно. 6 к.
14. А. Орловскій, Освобожденіе крестьянъ
въ Пруссіи. 6 к.
15. М. Горькій, Пѣсня о Соколѣ. — Пѣсня о
Буревѣстникѣ 3 к.
16. А. Заринъ, День за днемъ 6 к.
17. И. Бѣлоконскій, Случайно неразстрѣлянный.
— По рубрикамъ. — Первая „бомба“ . . . 6 к.
18. В. Ключевскій, Петръ Великій среди своихъ
сотрудниковъ 8 к.
19. С. Знаменскій, Основныя задачи въ области
образованія. 6 к.
20. М. Кабановъ, Англійская политика „равновѣсія“ 6 к.
21. В. Короленко, Лѣсъ шумитъ 6 к.
22. А. Шингаревъ, Земская и городская Россія. 6 к.
23. А. Купринъ, Дознаніе. — Бредъ. 6 к.
24. Ф. Артемьевъ, Въ царствѣ стали. 6 к.
25. И. Крыловъ, Сорокъ басенъ 6 к.
26. Е. Угени, Англичане въ Индіи 6 к.
27. И. Бѣлоконскій, Страшное мѣсто — Страховка. —
Властители 6 к.
28. С. Елпатьевскій, Ницца. — П. Рыссъ, Парижскіе
силуэты. 8 к.
29. С. Подьячевъ, Разладъ 8 к.
30. И. Никитинъ, Избранныя стихотворенія . . 8 к.
31. Э. Лъенъ, Очерки французской культуры . 8 к.
32. М. Горькій, Емельянъ Пилай. — Дѣло съ
застежками. — „Выводъ“ 6 к.
33. С. Князьковъ, Голодь въ древней Россіи . 6 к.
34. В. Вересаевъ, Въ сухомъ туманѣ. — Къ спѣху.
— Объ одномъ городѣ 6 к.
35. М. Кабановъ, Германская интеллигенція и война 6 к.
36. А. Кизеветтеръ, Протопопъ Аввакумъ . . 6 к.

Типографія Т-ва „Родная Рѣчь“ МОСКВА 1915.